

Малолетние кавказцы в кадетских корпусах Российской империи в первой половине XIX в.

А. Н. Гребенкин

Военно-учебные заведения Российской империи в XIX в. играли роль одного из проводников имперской политики на Кавказе. Зачисленные в кадеты дети местной знати должны были воспитываться в духе преданности престолу и одновременно получать общеобразовательную и культурную подготовку, достаточную для того, чтобы обеспечить возможность полноценного диалога с офицерами и чиновниками. Выпускники корпусов были призваны стать надежными союзниками и действенными помощниками правительства, которое стремилось не только завоевать Кавказ, но и сформировать местную элиту, отличавшуюся лояльностью по отношению к Санкт-Петербургу. Это достигалось путем наделения кавказских воспитанников особым статусом, который предполагал возможность сохранения своей веры, национального костюма и даже оружия. По мере приближения Кавказской войны к концу задача подготовки в кадетских корпусах преданной России местной знати теряла актуальность, поэтому зачисляемые в кадеты кавказцы уже не находились на исключительном положении и мало-помалу сливались с основной массой воспитанников.

Ключевые слова: Российская империя, покорение Кавказа, военное образование, кавказские воспитанники, горцы.

Для цитирования: Гребенкин А. Н. Малолетние кавказцы в кадетских корпусах Российской империи в первой половине XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_10. EDN: ZMDDKF

Введение

Покорение Кавказа, являвшееся одним из основных направлений внешней политики России в XIX в., предполагало не только установление военного контроля над территорией, но и инкорпорацию завоеванных земель в имперское пространство. Поэтому силовые средства органично сочетались с мерами, направленными на создание местной политической элиты, которая бы отличалась преданностью русскому императору и готовностью исполнять его приказания. Одним из средств, способствовавших достижению этой цели, являлось помещение детей кавказской знати и дворянства на воспитание в кадетские корпуса.

Изучение проблемы воспитания малолетних кавказцев в военно-учебных заведениях Российской империи позволяет дать комплексную научную характеристику одного из важнейших направлений формирования преданной имперской власти национальной элиты. Ввиду сохранения определенной политической напряженности в Кавказском регионе и в настоящее время исследование имеет не только академическую, но и определенную практическую значимость, что, несомненно, делает его более актуальным.

Исследование различных аспектов воспитания малолетних кавказцев в кадетских корпусах Российской империи началось еще до революции. В юбилейных трудах по истории отдельных военно-учебных заведений давалась краткая характеристика статуса горцев, зачисленных в кадетские корпуса, описывалось их обмундирование, приводились отдельные факты, касавшиеся образования и воспитания [3, с. 340–341]. Однако изучение осуществлялось лишь поверхностно, с акцентом на таких сугубо внешних признаках, как детали форменной одежды [3, с. 265]. Примечательно, что в «полковой истории» Дворянского полка, являвшегося одним из главных центров воспитания кавказцев, горцам не уделено ни малейшего внимания. Вопрос о подготовке кавказцев до революции рассматривался и в контексте правительственной политики, однако это не привело к созданию полноценных научных трудов. Так, в статье Ф. Юхотникова, написанной в 1860 г., отмечалось, что «воспитание горцев в кадетских корпусах не достигало предполагаемой цели, а равно и самый климат Петербурга был для них не совсем благоприятен» [28, с. 9], и это заставило

приступить к созданию системы учебных заведений на самом Кавказе. В пояснительной записке «О личных правах туземного населения Кубанской области», составленной Сословной комиссией в 1872 г., дано весьма краткое описание подготовки кавказцев в российских военно-учебных заведениях. Оно сведено к констатации права детей ногайских мурз получать воспитание в кадетских корпусах [6, с. 45].

В советское время вопросы подготовки национальной кавказской элиты в военной школе не относились к числу тем, хотя бы вскользь затрагиваемых исследователями. Интерес к ним пробудился лишь в современной России. Инициатива была проявлена не историками военной школы (даже в подробной работе Ю. А. Галушко и А. А. Колесникова тема кавказских воспитанников не нашла отражения) [1], а учеными, занимавшимися изучением политики России на Кавказе. Ю. Ю. Клычников в своей монографии посвятил отдельный параграф культурно-просветительской политике России в северокавказском регионе. В нем, однако, основное внимание уделено обучению кавказцев в гражданских заведениях. Исследователь лишь отмечает, что зачисление детей местной знати в кадетские корпуса способствовало приобщению «к культуре русского и других народов, подводило к пониманию прогрессивной миссии России по отношению к менее развитым в экономическом и общественном смысле народам» [4, с. 293]. В конце 2000-х гг. стали появляться работы, в которых нашли отражение различные аспекты образовательной политики России по отношению к кавказским народам, реализуемой в том числе с помощью системы военно-учебных заведений [26; 27]. Уделяется определенное внимание подготовке кавказцев в кадетских корпусах и в трудах, посвященных истории отечественных органов государственной охраны [5, с. 98]. Однако комплексного научного исследования, в рамках которого был бы осуществлен анализ всех аспектов обучения малолетних кавказцев в российских военно-учебных заведениях, в настоящее время пока еще не существует. Наша работа призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Объектом настоящего исследования является правительственная политика, направленная на формирование кавказской

элиты, лояльной по отношению к имперскому центру. В работе использован комплекс всеобщих, общенаучных, общелогических и специально-научных исторических методов. Из методов, относящихся к последней группе, следует особо отметить социокультурный анализ.

В статье, основанной на неопубликованных документах из фондов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, предпринята попытка осуществить анализ положения кавказских воспитанников в военно-учебных заведениях Российской империи в первой половине XIX в. При этом были поставлены следующие исследовательские задачи: 1) охарактеризовать статус отпрысков знатных кавказских фамилий, помещенных на воспитание в кадетские корпуса и Дворянский полк; 2) рассмотреть организацию их быта; 3) осуществить анализ религиозного воспитания; 4) дать характеристику обмундирования. В качестве рабочей гипотезы выдвинут тезис о том, что статус кавказцев и содержание их воспитания зависели от целей правительственной политики на Кавказе.

Результаты

Начало практики воспитания детей кавказской знати было положено в первые годы XIX в., задолго до начала активных боевых действий. В 1801 г. в состав России вошла восточная Грузия. Через три года, в 1804 г., на обучение в Первый кадетский корпус были помещены сыновья покойного грузинского царя Георгия XII: 14-летний Илья и 9-летний Окропир. Их мать, бывшая царица Мария Георгиевна, в 1803 г. совершила убийство генерал-майора И. П. Лазарева, который выполнял поручение Александра I вывезти ее вместе с детьми из Грузии. Надзор за Ильей и Окропиром был поручен библиотекарю корпуса – надворному советнику Фоларту. Судя по тому, что «на обмеллирование для царевичей покоев и другие мелочные для них издержки» [9, л. 1] было единовременно выделено 800 р., Илья и Окропир должны были помещаться отдельно от прочих воспитанников. Фоларт должен был снабдить царевичей всеми необходимыми учебными пособиями, а также найти учителей, которые преподавали бы им основы наук до тех пор, пока царевичи не приобретут знания, достаточные для того, чтобы

учиться совместно с другими кадетами по общей программе. Кроме того, Илью и Окропира следовало обнадеживать, что «при окончании курса учения приняты они будут в гвардию с приличными преимуществами» [25, с. 1050].

Особое внимание уделялось питанию малолетних грузин. Александр I лично распорядился, чтобы кушанья были приготовлены прилично, однако без излишеств, «по тому наипаче уважению, что молодые люди сии, имея, так сказать, совершенно быть преобразованы, должны руководствоваться нечувствительно к роду жизни, столь различному от той бездейственности и неги, какая свойственна азиатскому воспитанию» [9, л. 3–3 об.]. В марте 1812 г. Илья и Окропир были произведены в подпоручики в лейб-гвардии Егерского полка.

Первые малолетние горцы появились в российских военно-учебных заведениях спустя несколько лет после начала Кавказской войны, в конце 1820-х гг. Сначала они зачислялись не в кадетские корпуса, а в Дворянский полк, который предназначался для подготовки офицеров в максимально сжатые сроки. Выпускники должны были переводиться в учрежденный в 1828 г. лейб-гвардии Кавказско-горский взвод – составную часть Собственного Его Императорского Величества конвоя, которая была призвана служить доказательством того, что Николай I доверяет кавказцам настолько, что удостоивает их высокой чести быть своими телохранителями. На самом деле роль горцев в императорской охране не выходила за рамки представительских функций, и царь даже отдал негласное распоряжение, чтобы кавказцев не подпускали к нему слишком близко. Кроме того, пребывание в составе конвоя должно было приобщить горцев к европейской культуре и сформировать у них чувство глубокого уважения к Николаю I. Таким образом, воспитание малолетних горцев в Дворянском полку и их пребывание в лейб-гвардии Кавказско-горского взвода было двумя последовательными этапами решения одной и той же задачи.

Система военного воспитания, сложившаяся в России к началу правления Николая I, отличалась жесткостью и даже жестокостью. Давление на личность будущего офицера оказывалось как со стороны командиров и учителей, так и со стороны старших или более сильных товарищей. Все то, что выделялось из общей массы, подвергалось безжалостному уничтожению

или выбраковке. Это обстоятельство следовало иметь в виду при помещении малолетних горцев в военные школы. Поэтому командующий Императорской Главной квартирой генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, один из ближайших сподвижников царя, по его поручению занимавшийся разработкой концепции воспитания кавказцев, сформулировал ряд требований, которые должны были способствовать изоляции горцев и исключить возможность возникновения конфронтации между ними и основной массой кадет. В августе 1829 г. Бенкендорф направил Главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютанту Н. И. Демидову следующие правила, определявшие порядок подготовки малолетних горцев в Дворянском полку:

- «1. Не подавать им свинины и ветчины.
2. Запретить, чтобы над ними дворяне насмеялись и никаких им оскорбительных названий не давали, а стараться сколь возможно, чтобы они подружились.
3. Ружием и маршировке не учить, а довести их помалу до того, чтобы они сами просили сим заниматься в свободное время.
4. Выговоры и наказания арестом им не делать самим начальникам, а приказывать о сем прапорщику Туганову, которому известно лучше, с которым народом как обращаться.
5. Не заставляя их самих чистить свое платье, а на этом им дается два слугителя из их крепостных.
6. Не воспрещать им по их обычаю по несколько раз в день умываться.
7. Дозволить каждому класть свое оружие и платье подле своей постели, как пожелает.
8. Не воспрещать надевать оружие, а прапорщик Туганов постарается постепенно их от сего отучить.
9. Дозволять им курить трубки вне классов.
10. Эфендию (их духовная особа) дозволять их посещать, когда он пожелает, даже и в классах.
11. Наблюдать, чтобы во время их молитвы дворяне им не мешали.
12. В свободное время от учения дозволять ездить им верхом на их лошадях, за которыми будет присылать прапорщик Туганов.

13. Их единоплеменникам не воспрещать их посещать в часы, свободные от ученья.

14. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет их веры ничего худого не говорили и не советовали переменять оную.

15. Дозволить буде пожелают иметь свои постели» [24, л. 2–3].

Хотя все воспитанники Дворянского полка принадлежали к числу представителей самого привилегированного сословия, огражденного «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от телесных наказаний, розги еще в начале XIX в. стали основным методом педагогического воздействия и воспринимались всеми – и командирами, и самими кадетами, и их родственниками – как нечто само собой разумеющееся. Однако распространять эту практику на горцев было немыслимо: наказание розгами они восприняли бы как чудовищное оскорбление, несовместимое с их статусом. Даже угроза применить розги могла свести на нет все усилия по формированию чувства преданности императору. Поэтому А. Х. Бенкендорф распорядился подвергать малолетних кавказцев «тем же наказаниям, как и дворян, только телесных наказаний не делать» [24, л. 7 об., 9 об.].

Привилегированный статус горцев резко контрастировал с положением остальных воспитанников. Поэтому Н. И. Демидов, понимая, что это вызовет зависть «дворян», которые не преминут отыграться на кавказцах при первом же удобном случае, принял решение обеспечить полную изоляцию горцев от прочих обучающихся. Это давало возможность избежать стычек, которые, с учетом обостренного чувства собственного достоинства, присущего большинству кавказцев, и разрешения им носить оружие, могли привести к трагедии. Кроме того, Главный директор опасался столкновений, которые могло вызвать следование мусульман своим религиозным предписаниям: «...появление в каморах людей в необыкновенной одежде, отправляющих молитвы, а тем более частые омовения свои совсем особенным образом, должно непременно породить в воспитывающихся любопытство и суждения; но кто поручится, чтоб... дворяне... не в состоянии будут воздержаться от насмешек» [24, л. 11 об. – 12]. Во избежание приставаний горцы посещали баню в особые дни: Демидов опасался, что «дворяне», обратив внимание на необычный вид

их половых органов с обрезанной крайней плотью, не смогут удержаться от скабрзных шуток и циничных расспросов и тем самым оскорбят чувства правоверных мусульман.

Начиная с 1830 г. кавказские воспитанники зачислялись и в столичные кадетские корпуса – Первый, Второй, Павловский и Александровский, в каждом из которых, по примеру Дворянского полка, были образованы так называемые азиатские отделения. Так, в 1830 г. в Санкт-Петербург был прислан 51 горец. Детей распределили в соответствии с их возрастом в кадетские корпуса и Дворянский полк. В августе 1832 г. вице-канцлер граф К. В. Нессельроде сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту барону Г. В. Розену «Высочайшую государя императора волю, о внушении знатнейшим мусульманам Кавказского края о выгодах помещения детей в кадетские корпуса, и что тех, коих родители изъявят на то свое согласие, можно отправлять в Санкт-Петербург на казенный счет» [16, л. 1–1 об.]. В декабре 1833 г. Николай I распорядился «детей почетных мусульман Кавказского края присылать в кадетские корпуса от 20 до 30 в год, но не более, независимо от тех из почетнейших, которые будут назначены в пажи, и тех, кои в родстве с служащими в конвое Его Величества, доставляя их вообще в год два раза, смотря по времени выпусков из корпусов в офицеры» [10, л. 6–6 об.].

Главная цель, стоявшая перед командирами и педагогами, была сформулирована в 1834 г. Главным начальником Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великим князем Михаилом Павловичем следующим образом: «... дабы малолетние дворяне присоединенных к России земель получили воспитание под непосредственным Высочайшим надзором и чтобы они привыкали с юных лет к отеческим милостям Государя Императора и возвращались впоследствии на родину с чувствами благодарности и преданности Его Императорскому Величеству» [17, л. 6 об.]. В дальнейшем предполагалось упорядочить прием таким образом, чтобы ежегодно в Первый, Второй и Павловский кадетские корпуса зачислялось по 6 человек в возрасте от 10 лет, а в Александровский – 12 горцев, еще не достигших 10-летнего возраста.

Ключевую роль в формировании личности горцев должна была играть религия. С 1830 г. при военно-учебных заведениях

находились муллы Тархит Абдулвахит Сулейманов и Мухаммед Амен Хантемиров. В 1834 г. Главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович пришел к аргументированному выводу о том, что «В военно-учебных заведениях не вполне еще обращено должное внимание на обучение воспитанников из магометан правилам их исповедания и на соблюдение ими обрядов, постановленных Алкораном» [7, п. 1]. Главными обрядами являлась пятикратная молитва и соблюдение поста Рамазан. Поскольку религия считалась основой воспитания, а одним из принципов конфессиональной политики в Российской империи провозглашалась веротерпимость, всем директорам военно-учебных заведений предписывалось обратить внимание на то, чтобы воспитанники-мусульмане изучали Коран под руководством мулл на таких же основаниях, как христиане изучали Библию. На испытаниях должны были присутствовать магометанские муллы и офицеры лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. Муллам следовало прийти к единому выводу относительно того, какие именно обряды должны соблюдать воспитанники различных возрастов, а от каких можно беспрепятственно отказаться.

В январе 1835 г. единое мнение мулл было выработано. Согласно ему, в военно-учебные заведения должны были быть назначены законоучители магометанского воспитания. Как показал пятилетний опыт, их было бы достаточно иметь одного на два заведения. Муллы Т. А. Сулейманов и М. А. Хантемиров приняли на себя обязательство «изложить... правила, в чем должна заключаться наша обязанность, и какие нужны будут к изучению сего книги» [8].

Директор Павловского кадетского корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Клингенберг в феврале 1835 г. провел совещание с директорами и муллами, «с первыми о назначении жалованья муллам за преподавание воспитанникам магометанского исповедания уставов их религии, а с последними сколько потребно времени в каждом заведении для обучения закону» [12, л. 6]. По мнению мулл, в каждом из военно-учебных заведений было достаточно изучать с кавказцами обряды их религии в течение двух часов в неделю.

В 1835 г. в тех кадетских корпусах, в которых находились мусульмане, стали проводиться мусульманские богослужения

и началось преподавание основ ислама (данная учебная дисциплина, как и изучение христианского вероучения, именовалась Законом Божиим). Горцы освобождались от занятий по пятницам для проведения намаза, а также отпускались в город, чтобы принять участие в коллективных молитвах вместе со своими единоверцами. На время поста Рамазан-Байрам горцам было отведено особое помещение, где они могли бы молиться и проводить все положенные процедуры. Кроме того, было отдано распоряжение «иметь для стола их говядину от заклания рукой магометанина» [14, л. 4], а график приема пищи был изменен таким образом, чтобы воспитанники могли завтракать и обедать в темное время суток.

Общая для всех кадетских корпусов программа изучения Закона Божия не была утверждена, и каждый мулла разрабатывал ее самостоятельно. Программа, в соответствии с которой осуществлялось преподавание Закона Божия в Первом кадетском корпусе в начале 1860-х гг., включала следующие разделы:

а) первые понятия о Боге и об обрядах веры, а в особенности о пятивременных молитвах (намаз), предписываемых законом к неперемennomу исполнению;

б) о совершенстве и свойствах Божества невидимого, но понимаемого и чувствуемого в величии видимого творения и в явлениях правды и истины;

в) о догматах веры, заповедях Божиих и о символе веры Катеизис;

г) о веровании всему тому, что передано людям от пророка Мухаммеда;

д) о веровании в пророков и ангелов и всему, что чрез них ниспосылается от Бога;

е) познания о всех пророках, их жизни и чудесах;

ж) о разделении веры на секты и заблуждении сектаторов отклонением их от истинной веры;

з) о шариаате, т. е. о законе, изложенном в стихах Корана, по которому мусульмане должны поступать во всех делах своих, и о наказаниях за отступления и нарушения установленных в законе правил;

и) о 30-дневном посте, именуемом Рамазаном, установленном в память призвания Богом Мухаммеда к пророчеству, о его значении и важности, а также о совершаемых во время поста

обрядов и молитвословиях. О празднике Курбан, установленном в воспоминание принесения Ибрагимом в жертву Богу сына своего Исаака;

к) богословие» [13, л. 3 об., 5].

Как было указано выше, на экзаменах по Закону Божию должны были присутствовать офицеры лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. На них же возлагалась обязанность разговаривать с малолетними горцами на их родном языке, чтобы они не забыли его. Кроме того, офицеры осуществляли контроль за поведением воспитанников. Так, в конце мая 1835 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф отдал распоряжение, «дабы воспитывающиеся в военно-учебных заведениях дети горских князей и узденей не отлучались по собственному произволу ни к родственникам своим, ни в Кавказско-горский эскадрон, но были бы из заведений увольняемы только по запискам офицера означенного полуэскадрона, занимающегося с ними разговорами на национальном языке» [15, л. 1].

Мулла М. А. Хантемиров отмечал, что «правительство, заботясь о воспитании юных горцев, дабы тем показать диким племенам Кавказа превосходство образования и порядка пред невежеством и своеволием, гибельным для них самих, не оставляет притом без внимания и самонаималейших обстоятельств в жизни, действующих на душу и чувства в моральном отношении» [18, л. 1 об.].

В 1845 г., после конфликта между Хантемировым и эфендием (законоучителем) полуэскадрона Алиевым, новым законоучителем мусульман, обучавшихся в военно-учебных заведениях, стал состоявший при Гвардейском корпусе муллы Рахманкулов, который «объявил, что он с удовольствием берет на себя сию обязанность, которую будет исполнять вместе с его помощником соборным имамом Абдуловым» [18, л. 15]. В Пажеском корпусе по ходатайству его директора генерал-майора П. Н. Игнатьева религиозное воспитание кадет-мусульман было поручено мулле Ахмет-Шаху Апселяшову.

Важным средством сохранения национальной идентичности кавказских воспитанников было разрешение им носить свои живописные национальные костюмы. Так, в Первом кадетском корпусе форма горцев состояла из темно-синих суконных черкесок, украшенных нагрудными напатронниками,

красной шапки, которая обшивалась серебряным галуном, и красного пояса. Летом воспитанники носили черные демикотонные шаровары, зимой – темно-синие суконные шаровары. По праздникам надевалась блиставшая великолепием парадная форма: «Черкеска с маленькими рукавами голубого сукна, обшитая серебряными галунчиками с напатронниками на груди, бешмет под оную надевается белого демикотону с длинными рукавами. Шаровары и наколенники синего сукна и с черными камашами (так! А. Г.), обшитыми серебряным галунчиком. Чимачи или башмаки красного сафьяна, вышитые золотом и серебром, надеваются, когда они верхами. Шапка белого сукна, обшитая галунчиком. Пояс красного сафьяна в серебряной оправе» [22, л. 5 об.].

Кавказцы, обучавшиеся во Втором и Павловском кадетских корпусах, носили «платье национальное, построенное из темно-синего сукна» [22, л. 1 об.]. В отпуск они ходили в парадной форме, пошитой из светло-синего сукна и украшенной серебряным позументом. Приведем ее полное описание: «1) шапка из белого сукна на вате, снизу с черной опушкой из мерлушки, выше коей обшито вокруг серебряным с позолотой широким позументом и накрест в восемь рядов таким же узеньким позументом, сверху же обтянутая серебряными нитками шишечка; 2) чекмень из тонкого голубого сукна с рукавами по локоть, обшитый серебряным узким позументом по борту и по подолу в один ряд, а воротник в три ряда, на чекмене на груди патронники и карманы из черного бархату обшитые серебряным широким позументом, патроны карельской березы в оправе слоновой кости на серебряных шнурках, прикрепленные к серебряной бляшке; 3) шаровары синего сукна обшитые по боковым швам и с низу вокруг серебряным узким позументом; 4) пара наговиц, верхняя половина из синего, а нижняя из черного сукна, обшитые сверху, посредине и снизу серебряным узким позументом и на оных штрипки из красного сафьяну; 5) к оным наговицам из красного сафьяну подвязки, обшитые в три ряда серебряным узким позументом; 6) два бешмета из белого демикотону с длинными рукавами, все они на белой миткалевой подкладке; 7) пояс из красного сафьяну обшитый серебряным позументом в два ряда, с серебряными пряжками и пуговицами; 8) башмаки из красного

сафьяну с черной поверху широкой оторочкой, обшитой вокруг серебряным позументом и золотыми шнурками, а также вдоль башмака по носку серебряным шнурком» [22, л. 10–10 об.]. В 1833 г. по распоряжению императрицы Александры Федоровны такую же форму получили малолетние горцы, находившиеся на воспитании в Александровском кадетском корпусе.

Начиная с 1839 г. согласно распоряжению Николая I, основанному на представлении командира Отдельного Кавказского корпуса, в кадетские корпуса и Дворянский полк стали отправляться дети почетных армян Кавказского края. Их присылка осуществлялась ежегодно к 1 августа. В 1839 г. из Карабахской провинции в Санкт-Петербург были отправлены сын подпоручика Хандамирова, 15-летний Аркадий, три племянника подпоручика Долуханова (16-летний Саркис, 13-летний Алексей и 12-летний Абрам) и двое сыновей карабахских беков – 12-летний Иван Шахназаров и 16-летний Яков Лазарев. Заведовать ими должен был адъютант Кавказской резервной гренадерской бригады гвардии поручик Добржанский [19; л. 2 об. – 3 об.].

Когда скорое завершение Кавказской войны стало очевидным, малолетние горцы, находившиеся на воспитании в столичных военно-учебных заведениях, утратили свой особый статус. Этому способствовало и осознание того, что для создания лояльной по отношению к Санкт-Петербургу местной элиты было недостаточно одного лишь военно-воспитательного воздействия. Руководство государства и армии опасалось, что образованные офицеры из числа кавказцев, вернувшись на родину, образуют антиправительственную корпорацию, которая примет сторону «немирных горцев» и станет катализатором сепаратистских устремлений. Еще в 1844 г. один из чиновников, направивший на имя Николая I записку о плане военных действий на Кавказе, отмечал: «в учебных наших заведениях образуются многие из кавказских пород; образование ума не всегда бывает образованием сердца, влечение которого всегда родина, любовь к ней никогда не изглаживается. Азиатский ум бывает пламенен и хитер; одна нега его усыпляет. Со временем из этих ученых беглецов может найтись такой, который заразаясь славой, высшим назначением человека, найдет себе подобных подручных, сольет все породы Кавказа в одну, устроит заводы и фабрики и учредит правильное управление.

Кавказ всем изобилует по царству ископаемому: есть сера, селитра, медь, свинец, железо, чугун, серебро и золото. Недостает ученых мастеров; но для этого найдутся удалые беглецы, и если руки природных жителей неспособны к работе, то они употребят на то пленных» [23, л. 1–1 об.]. Распространению этого мнения способствовало и восстание сипаев в Индии, начавшееся в 1857 г. Поэтому горцы, окончившие кадетские корпуса, все чаще распределялись на службу в воинские части, дислоцированные в европейской части России, где окончательно русели. Кавказцы, находившиеся на воспитании в кадетских корпусах в 1860-е гг., сохранили лишь свою религию, однако многие из них предпочитали переходить в христианство, чтобы не выделяться из общей кадетской массы.

Тем не менее зачисление представителей народов Кавказа в кадетские корпуса продолжалось. В 1845 г. Николай I распорядился, чтобы включать в число 30 малолетних почетных мусульман и армян Закавказского края сыновей гурийских дворян «в том внимании, чтобы постепенным образованием гурийского юношества водворить между ими правильное понятие о священных обязанностях подданных Империи» [20, л. 1]. В 1848 г. правительство обратило внимание на то, что имеретинские князья и дворяне ввиду своей бедности являлись гораздо менее просвещенными, чем дворяне Грузии, между тем как их детям было бы весьма желательно получить образование. Поэтому наместник Кавказский и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант князь М. С. Воронцов направил императору ходатайство о том, чтобы в военно-учебных заведениях из числа вакансий, предназначенных для детей горских князей и первостепенных узденей, 10 вакансий были бы отделены для имеретинских дворян. Главный начальник военно-учебных заведений великий князь Михаил Павлович, поддержав данную инициативу, предложил распределить эти вакансии поровну между Первым, Вторым, Павловским, Первым и Вторым Московскими корпусами, а великовозрастных воспитанников зачислять в Дворянский полк.

Обсуждение и выводы

Таким образом, воспитание малолетних кавказцев в российских военно-учебных заведениях осуществлялось таким

образом, чтобы, обеспечивая их вхождение в состав имперской элиты, не уничтожить связь с Кавказом. Искключительные льготы и привилегии, о которых обычные кадеты не могли даже мечтать, сохранение национального платья, поддержание навыков владения родным языком – все это не только способствовало укоренению в воспитанниках искреннего чувства привязанности к правительству, но и позволяло им оставаться кавказцами, а значит, не терять связь со своими соплеменниками. Этой же цели служило и религиозное воспитание, которое, вопреки официальной парадигме официальной народности, основывалось на принципе веротерпимости и уважении к духовным запросам национальных меньшинств.

Поскольку зачисление малолетних кавказцев в кадетские корпуса носило исключительно практический характер, их статус и содержание воспитания зависели от хода боевых действий на Кавказе. До тех пор, пока сохранялись значительные очаги сопротивления, отношение к кавказцам, особенно к родственникам «немирных» горцев, было достаточно щепетильным как в бытовом, так и в религиозном отношении. Как только исход противостояния стал ясен, кавказцы стали стремительно терять свои привилегии и ассимилироваться с основной массой воспитанников. Однако задача формирования национальной элиты не снималась с повестки дня, о чем свидетельствует продолжение помещения в корпуса армян и грузин.

Отмеченное выше обрусение не было всеобщим, и некоторые кавказцы сохранили свою социокультурную специфику. Насмешки и обидные замечания, касавшиеся языка, обычаев и особенно веры, они воспринимали достаточно болезненно, и в конце XIX – начале XX в. это стало причиной нескольких конфликтов. Представляется, что и в настоящее время попытки игнорировать культурные и религиозные особенности народов Кавказа при организации учебно-воспитательного процесса могут вызвать столь же заметную реакцию отторжения. По этой причине деятельность военно-образовательных учреждений, в которых обучаются представители народов Кавказа, должна строиться на принципах мультикультурализма, религиозного плюрализма и толерантности.

Список литературы

1. Галушко Ю. А., Колесников А. А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. 223 с.
2. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса 1712–1912 гг.: в 2 т. / под общ. ред. А. К. Линдеберга; сост. Н. П. Жервэ и В. Н. Строев. Т. 1. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. Т. 1. ХЦ, 464, 174 с.
3. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома, 1798–1898 гг. / под ред. А. Н. Петрова. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1898. 759 с.
4. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
5. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилияев, Д. А. Ключков, И. И. Кондратьев, О. Г. Леонов, Т. Д. Панова; сост. Д. А. Ключков]. М.: Русские витязи, 2018. 920 с.
6. Пояснительная записка. «О личных правах туземного населения Кубанской области» // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный журнал № 19. – Нальчик: Эль-фа, 2007. – С. 8–75.
7. Приказ Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 13 декабря 1834 г. № 26.
8. Приложение к п. 5 Приказа Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 26 января 1835 г. № 46.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 4136.
10. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4221.
11. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4377.
12. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5280.
13. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 6195.
14. РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 10249.
15. РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 4420.
16. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 425.
17. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 433.
18. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2350.
19. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 500.
20. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 623.
21. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 637.
22. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2870.
23. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5557.
24. РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 76.
25. Танков А. А. Грузинская царица в Белгороде // Исторический вестник. – 1901. – Т. 83. – № 3. – С. 1035–1051.
26. Умаров Д. В. Подготовка горских народов Северного Кавказа к военной службе в Российской империи // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2023. – № 1 (128). – С. 80–86.
27. Штурба В. А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 3 (5). – С. 5–15.
28. Юхотников Ф. Письма с Кавказа // Русское слово. – 1861. – № 4. – С. 1–17.

Young Caucasians in the Cadet Corps of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

Aleksey N. Grebyonkin

Military educational institutions of the Russian Empire in the 19th century played the role of one of the conductors of imperial policy in the Caucasus. The scions of the local nobility enrolled in the cadets had to be brought up in the spirit of devotion to the throne and at the same time receive general education and cultural training sufficient to ensure the possibility of a full-fledged dialogue with officers and officials. Graduates of the corps were called upon to become reliable allies and effective assistants of the government, which sought not only to conquer the Caucasus, but also to form a local elite distinguished by loyalty to St. Petersburg. This was achieved by giving Caucasian pupils a special status, which implied the possibility of preserving their faith, national costume and even weapons. As the Caucasian War neared its end, the task of training the local nobility loyal to Russia in the cadet corps was losing relevance, so the Caucasians enrolled in the cadets were no longer in an exceptional position and gradually merged with the bulk of the pupils.

Key words: Russian Empire, the conquest of the Caucasus, military education, Caucasian pupils, mountaineers.

For citation: Grebyonkin, A. N. (2023) Maloletnie kavkazcy v kadetskikh korpusah Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX v. [Young Caucasians in the Cadet Corps of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 10–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_10. EDN: ZMDDKF

References

- Galushko, YU. A. Kolesnikov, A. A. (1993) *SHkola rossijskogo oficerstva. Istoricheskij spravocchnik* [The School of Russian officers. Historical reference]. Moscow: Russkij mir. (In Russ.)
- Lindeberg, A. K. (1912) (ed.) *Istoricheskij ocherk 2-go Kadetskogo korpusa 1712–1912 gg.* [Historical sketch of the 2nd Cadet Corps 1712–1912]: in 2 vols.; comp. N. P. ZHerve, V. N. Stroeve. Vol. 1. Saint Petersburg: tip. Trenke i Fyusno. (In Russ.)
- Petrov, A. N. (1898) (ed.) *Istoricheskij ocherk Pavlovskogo voennogo uchilishcha, Pavlovskogo kadetskogo korpusa i Imperatorskogo Voенno-sirotskogo doma, 1798–1898 gg.* [Historical sketch of the Pavlovsk Military School, the Pavlovsk Cadet Corps and the Imperial Military Orphanage, 1798–1898]. Saint Petersburg: Tip. M-va vnutrennih del. (In Russ.)
- Klychnikov, YU. YU. (2002) *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. (In Russ.)
- ZHilyaev, V. I., Klochkov, D. A., Kondrat'ev, I. I., Leonov, O. G. and etc (2018) (eds.) *Na strazhe glavnoj citadeli Rossii: k 100-letiyu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii* [On guard of the main Citadel of Russia: on the 100th Anniversary of the Service of the Commandant of the Moscow Kremlin of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Comp. D. A. Klochkov. Moscow: Russkie vityazi. (In Russ.)
- Poyasnitel'naya zapiska. "O lichnyh pravah tuzemnogo naseleniya Kubanskoj oblasti"* (2007) [Explanatory note. "On the personal rights of the native population of the Kuban region"]. *Geneologiya Severnogo Kavkaza. Istoriko-genealogicheskij nauchno-referativnyj zhurnal* [Genealogy of the North Caucasus. Historical and genealogical scientific-abstract journal]. No. 19. Pp. 8–75. (In Russ.)

7. *Prikaz Glavnogo nachal'nika Pazheskogo, vsekh suhoputnyh kadetskikh korpusov i Dvoryanskogo polka ot 13 dekabrya 1834 g. № 26 (1834)* [Order of the Chief Commander of the Pages, all land cadet corps and the Noble Regiment dated December, 13 No. 26]. (In Russ.)

8. *Prilozhenie k p. 5 Prikaza Glavnogo nachal'nika Pazheskogo, vsekh suhoputnyh kadetskikh korpusov i Dvoryanskogo polka ot 26 yanvarya 1835 g. № 46 (1835)* [Appendix to item 5 of the Order of the Chief Commander of the Pages, all land cadet corps and the Noble Regiment dated January, 26 No. 46]. (In Russ.)

9. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. 314. Op. 1. D. 4136. (In Russ.)

10. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 4221. (In Russ.)

11. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 4377. (In Russ.)

12. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 5280. (In Russ.)

13. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 6195. (In Russ.)

14. RGVIA. F. 315. Op. 1. D. 10249. (In Russ.)

15. RGVIA. F. 315. Op. 1. D. 4420. (In Russ.)

16. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 425. (In Russ.)

17. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 433. (In Russ.)

18. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2350. (In Russ.)

19. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 500. (In Russ.)

20. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 623. (In Russ.)

21. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 637. (In Russ.)

22. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2870. (In Russ.)

23. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 5557. (In Russ.)

24. RGVIA. F. 945. Op. 1. D. 76. (In Russ.)

25. Tankov, A. A. (1901) *Gruzinskaya carica v Belgorode* [The Georgian Queen in Belgorod]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. Vol. 83. No. 3. Pp. 1035–1051. (In Russ.)

26. Umarov, D. V. (2023) *Podgotovka gorskih narodov Severnogo Kavkaza k voennoj sluzhbe v Rossijskoj imperii* [Preparation of the Mountain peoples of the North Caucasus for military service in the Russian Empire]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and Socio-economic Sciences]. No. 1 (128). Pp. 80–86. (In Russ.)

27. SHturba, V. A. (2010) *Obrazovanie kak element okul'turivaniya gorskih narodov Kavkaza na zavershayushchem etape Kavkazskoj vojny* [Education as an element of the cultivation of the Mountain peoples of the Caucasus at the final stage of the Caucasian War]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. No. 3(5). Pp. 5–15. (In Russ.)

28. YUhotnikov, F. (1861) *Pis'ma s Kavkaza* [Letters from the Caucasus]. *Russkoe slovo* [Russian word]. No. 4. Pp. 1–17. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.05.2023

Одобрена после рецензирования 01.06.2023

Принята к публикации 14.06.2023